

11. Kołodziejczyk Dariusz. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th-18th century) : a study of peace treaties followed by annotated documents / Dariusz Kołodziejczyk. – Leiden, 2011.
12. Osmanlıca-Türkçe ansiklopedik luğat (Eski ve yeni harflerle) / Ferit Devellioğlu. – Ankara. 2001.
13. Zihni Soysal A. Jarłyki krymskie z czasów Jana Kazimierza / Zihni Soysal A. – Warsaw, 1939.

Асанова У.К.

УДК 39(477.75):001.891–057.4 “1920–1930”

РАЗВИТИЕ МУЗЕЙНОЙ СЕТИ В КРЫМСКОЙ АССР: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОФИЛЬНЫЕ МУЗЕИ 1920-1930 гг.

Процесс создания единой сети государственных музеев в Крымской АССР в первой половине 20-х гг. XX в., ее окончательное организационное оформление на IV Крымской музейной конференции в Керчи в сентябре 1926 г. выделили археологические музеи в отдельную группу профильных учреждений. Согласно решениям конференции, на территории региона определялось три специализированных археологических музея – Херсонесский, Керченский и Феодосийский [1, с. 201]. Также в решениях музейной конференции 1926 г. и практике работы КрымОХРИСа, его руководителей А. И. Полканова и Я. П. Бирзгала, прослеживалось стремление закрепить статус главного музейного учреждения Крымской АССР за Центральным музеем Тавриды (ЦМТ). Учитывая существенную концентрацию археологических памятников и экспонатов в соответствующем отделе ЦМТ, его также обосновано рассматривать как отдельный экспозиционный и научно-исследовательский центр археологического профиля. Значительный синкретизм коллекций Евпаторийского археолого-этнографического музея также позволяет рассматривать его коллекции в рамках отдельных сюжетов музейной работы.

Основным объектом внимания работников названных музейных учреждений стали памятники материальной культуры, сосредоточенные на ограниченной территории (всей Крымской АССР, либо ее отдельных районов и городских советов). Значение термина «памятник материальной культуры» требует специального разъяснения. Учитывая, что в досоветский период отсутствовала система государственного учета и охраны памятников истории и культуры вообще, а памятникоохранительная работа осуществлялась общественными организациями и научными сообществами на добровольных началах при непостоянной и слабой материальной поддержке со стороны государства или местных властей, деятельность государственной сети музейных учреждений была построена в четком соответствии с задачами, профилем и идеологическим содержанием работы каждого музея. В связи с этим можно трактовать понятие «памятник материальной культуры», применяемый в данном исследовании, как совокупность остатков деятельности человека в прошлом, представляющих интерес для исследования и восстановления картины условий существования человека, его социальных связей и активности, уровня развития экономических, политических и культурных отношений в каждом конкретном историческом периоде.

В связи со значительным приоритетом публичной работы музеев Крымской АССР в 20–30-е гг. XX в. также большое значение имеет понятие «популяризации» памятников истории и культуры. Данную дефиницию можно определить как совокупность организационных, методологических и науковедческих приемов и форм работы музеев, которые позволяют передать потребителям максимальный объем информации, сосредоточенной в музейной экспозиции.

Целью исследования является выявление и обобщение основных тенденций развития экспозиционной, научно-исследовательской и популяризаторской деятельности, проявившихся в работе археологических музеев на территории Крымской АССР во второй половине 20-х–30-е гг. XX в.

Наиболее качественно, методологически обосновано и масштабно тенденции музейного строительства в СССР второй половины 20-х–30-х гг. XX в., массовой, популяризаторской и научно-исследовательской работы археологической специализации проявились в деятельности Государственного Херсонесского историко-археологического музея в Севастополе. После установления Советской власти в Крыму «Склад местных древностей» как собрание материалов раскопок за более чем 30-летний период требовал срочной реорганизации. Положение усугублялось размещением на территории Херсонесского монастыря Дома инвалидов, городского приюта для бездомных и стариков, а непосредственно на территории городища – поста 7 стрелкового полка Казанской дивизии Рабоче-крестьянской Красной армии. Заведующий раскопками, глава Севастопольского ОХРИСа Л. А. Моисеев в течение 1921–1922 г. неоднократно обращался в Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР, лично к его заведующей Н. И. Троцкой с просьбой способствовать возобновлению самостоятельной работы музея, а также ограждения музейной территории от вандализма и разграбления. С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь и Л. В. Марченко в очерке истории Херсонесского музея формулируют вывод о том, что период разрухи и неустойчивости в первые годы после установления Советской власти негативно сказался на научно-исследовательской работе музея, тормозил его развитие [2, с. 41]. Соответствующую экспозиционную работу организовать возможным не представлялось, в свою очередь удалось обеспечить работу вспомогательных подразделений музея – архива, библиотеки, музейного фонда [3]. Также, при отсутствии материальных средств Л. А. Моисееву удалось организовать незначительные археологические исследования в окрестностях городища, впервые исследовать систему его водоснабжения, проследить источники питьевой воды, использовавшиеся в древности и в Средневековье. Также Л. А. Моисееву принадлежит первенство исследования поселений –

сельских усадеб на Гераклеяском полуострове и начало исследования древнейшей оборонительной стены в западной части городища [2, с. 41–42].

В феврале 1923 года комиссия по ликвидации монастырей при КрымОХРИСе вынесла решение о ликвидации монастыря св. Владимира в Херсонесе и передаче его здания музею. Однако, реальный переход монастырских помещений в ведение музея был осуществлен только в 1924 году, в мае того же года, благодаря настойчивости Л. А. Моисеева, из Харькова были перевезено имущество музея, эвакуированное в 1914 году, после начала Первой Мировой войны [4, с. 10].

Отсутствие финансирования, а также своеобразный характер руководства музейными учреждениями в Севастополе (самостоятельным музеем был только «Музей Херсонесских раскопок», «Музей Севастопольской обороны» имел статус его филиала, а «Панорама штурма Севастополя 6 июня 1855 г.» значилась вспомогательным учреждением последнего; общим руководителем всех учреждений был Л. А. Моисеев, но финансирование при этом выделялось только на нужды «Музея Севастопольской обороны») привел к конфликту между руководителем и Севастопольским ОХРИСом. Его результатом стало отстранение Л. А. Моисеева 15 июля 1924 г. от должности и последующее разбирательство по инициативе заместителя заведующего КрымОХРИСом Я. П. Бирзгала обстоятельств его деятельности как руководителя севастопольских музеев органами ГПУ. В вину бывшему директору музея ставились «злоупотребления» и кража музейных экспонатов, Л. А. Моисеев был арестован. В октябре 1926 года исследователь был освобожден, ввиду отсутствия доказательств его вины. Однако восстановиться на работе в Херсонесском музее Л. А. Моисееву уже не удалось, репутация была испорчена, ученый более не возвращался к изучению херсонесских древностей [5, с. 621–626; 6, с. 242–244].

31 января 1924 г. было принято постановление СНК и ЦИК Крымской АССР, которым все здания бывшего монастыря св. Владимира в Херсонесе передавались для организации в них археологического музея с научной экспозицией, этим решением было положено начало деятельности наиболее масштабного профильного музея на территории Крымской АССР [4, с. 13]. Должность директора Херсонесского музея и руководителя раскопок на территории городища 28 апреля 1924 г. официально занял профессиональный историк, археолог, музейвед Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970). Ученый родился 21 сентября 1891 года в Вологде, где получил гимназическое образование. В 1915 г. он окончил историко-филологический факультет Харьковского университета, после чего продолжил подготовку к профессорскому званию. В 1918 г. молодой исследователь занял должность приват-доцента Петроградского университета, впоследствии – был профессором Ленинградского университета. 6 ноября 1919 г. согласно приказу Управления народного просвещения при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, генерале А. И. Деникине, по рекомендации Л. А. Моисеева, К. Э. Гриневич стал заведующим Керченским музеем древностей, которым руководил до 10 июля 1921 г. после чего вернулся в Петроград [7; 8, с. 284–285; 9, с. 44–45; 14, 185–189, 194–195, 197–202]. Выбор К. Э. Гриневича на должность заведующего Херсонесским музеем, очевидно, был продиктован наличием необходимой квалификации, а также необходимым опытом руководящей работы в музейном учреждении. 18 июня 1924 года К. Э. Гриневич дополнил к должности заведующего музеем исполнение обязанностей заведующего Севастопольским ОХРИСом, став, таким образом, единоличным руководителем всей музейной системы в городе.

Первостепенной задачей работы нового руководителя стало перемещение коллекций музея в новые помещения и начало его работы как экспозиционного учреждения. Согласно решению ЦИК Крымской АССР от 31 января 1924 г. Херсонесский монастырь был окончательно ликвидирован как учреждение, жившие на его территории монахи подлежали выселению, а помещения культового характера – Владимирский собор и Церковь Семи Священномучеников Херсонесских передавались музейному учреждению. К. Э. Гриневич информировал общественность о ходе создания музейной экспозиции. Так, в сентябре 1925 года в журнале «Крым» было опубликовано письмо К. Э. Гриневича «Вместо монастыря – Музей» [10]. В заметке акцентировалось внимание на том, что «значение этого музейного строительства [в Херсонесе] сводится к тому, что оно является первым примером создания марксистского музея», соответственно экспозиция должна была отвечать необходимым идеологическим нормам. Кроме того, К. Э. Гриневич представлял новое учреждение как «новый тип советского музея, рассчитанного не на хорошо подготовленного посетителя, а на простого грамотного и понятливого рабочего», который мог бы осмотреть всю экспозицию без помощи путеводителей и объяснений экскурсовода [10, с. 80]. Для популяризации уникального памятника дирекцией музея была выпущена листовка «Что такое Херсонес», в которой излагались основные сведения о его истории и был дан маршрут осмотра городища. Также К. Э. Гриневич отмечал, что кроме памятников античного и средневекового времени, раскопанных непосредственно на территории Херсонеса, в экспозиции будут представлены материалы раскопок «пещерных городов»: Инкермана, Эски-Кермена, Чильтера и Мангуп-Кале, осуществленные сотрудниками Севастопольского музея краеведения. Анонсировалось и создание специального отдела производств, в котором должна была быть представлена информация об экономическом развитии города и его производительных силах. Открытие античного отдела было запланировано на 7 июня, средневекового – на 1 июля. Полноценно Государственный Херсонесский историко-археологический музей начал свою постоянную работу в августе 1925 г.

С 1925 года началась работа по созданию постоянной экспозиции музея. К. Э. Гриневичу удалось привлечь к работе коллектив молодых сотрудников, некоторых из них являлись его учениками по Ленинградскому государственному университету, соответственно, можно сделать вывод о значительной

преемственности традиций работы музея, заложенных К. Э. Гриневичем в середине 20-х гг. XX в. и развитых в дальнейшем новыми руководителями музея [11, с. 132]. Данные Научного архива Национального заповедника «Херсонес Таврический», обобщенные профессором В. М. Зубарем, позволяют установить, что к 1926 году штат сотрудников музея вырос до 16 человек на постоянной работе. Непосредственно научную работу по учету, анализу и подготовке памятников к экспозиции осуществляли: Г. Д. Белов, Л. Н. Белова-Кудь, В. Д. Блаватский, Е. В. Веймарн, В. Ф. Гайдукевич, А. И. Данилов, М. М. Кобылина, А. Г. Котова, И. И. Мирвич, Н. В. Пятьшева, М. Г. Русанов, А. Е. Семенов, Л. Н. Соловьев, П. Н. Шульц. Вспомогательные функции выполняли: музейные служители – Ф. С. Бойков, М. П. Ещенко, И. Т. Хвесью; смотритель городища – Н. З. Федоров, делопроизводитель – А. П. Кантпалов; сторожа – Ф. И. Гончаров, Б. М. Филлипов, П. Я. Щукин; вахтеры – Ф. А. Здонек, С. З. Федоров [4, с. 14–15]. Разница между числом постоянных штатных единиц музея и приведенным выше списком (актуальным на период 1925–1927 гг.) объясняется тем, что ряд научных сотрудников работали в музее в качестве практикантов, находясь на постоянном обучении в Ленинградском государственном университете, следовательно – принимали участие в работе только во время полевого археологического сезона.

Учитывая стремление К. Э. Гриневича к формированию экспозиции на новой «марксистской» основе, рассмотрим основные постулаты данной концепции. Наиболее полно они представлены в специальной работе К. Э. Гриневича «За новый музей: Херсонесский музей, как первый опыт приложения марксистских идей в музейном строительстве» [12]. Автор исследования во вступительном слове отмечал, что «революционное строительство в области народного просвещения вплотную подошло к проблемам широкой демократизации всего музейного дела Республики», а, следовательно «ни один опыт прокладывания новых путей в музейном строительстве, как бы он мал ни был, не должен быть забыт». Признавалась и экспериментальность предлагаемой музейной концепции: «пусть наш херсонесский опыт будет признан неудачным или подлежащим коренному изменению... Не беда!». Целью своего труда ученый видел утверждение принципа тематической экспозиции, как единственного научного принципа экспозиции для всех музеев. В свою очередь сам принцип тематической экспозиции К. Э. Гриневич оценивал «как одно из средств ввести марксизм в музейное дело» [12, с. 3]. Столь активная пропагандистская риторика директора Херсонесского музея может быть отнесена на счет его повышения по линии государственной службы – с 1927 г. он занимал должность заместителя заведующего Музейным отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР, соответственно опыт его руководящей работы мог применяться и распространяться на другие музейные учреждения как в Крыму, так и в других регионах. Это еще более повышает значение методологических разработок исследователя.

В первом разделе своей работы К. Э. Гриневич формулировал необходимость насущной реформы музейного дела, целью которой видел наибольшее приближение музейной работы к широким массам населения. Исследователь указывал, что его концепция основана на практике работы в Херсонесском музее, а также – на впечатлениях от изучения работы музеев Ленинграда и знакомства с экскурсионной практикой музеев других регионов. В кратком изложении основные принципы построения музейной работы на марксистской основе были сформулированы К. Э. Гриневичем следующим образом: «I. Всякий музей должен давать марксистски выдержанное знание определенного объема, судя по содержанию музейных коллекций. II. На музей следует смотреть как на книгу для образовательного чтения, в которой знание дается путем сопоставления не буквенных сочетаний, а расстановкой памятников природы или материальной культуры. Поэтому экспозиция музея – момент первостепенной важности. III. Музей должен быть «самоговорящим», т. е. должен быть рассчитан не только на групповой осмотр экскурсиями, но и на осмотр одиночными средне-подготовленными посетителями. IV. Музей должен обратить особое внимание на связь с массами путем издания специальной научно-популярной литературы, а также правильной постановкой широкой экскурсионной работы. V. Музей должен оставаться центром научно-исследовательской работы над коллекциями музея, привлекая к этому делу также учащуюся молодежь соответствующих вузов. Поэтому наряду с выставочными залами могут быть фондовые с иной расстановкой экспонатов, рассчитанной исключительно для обслуживания научных работников. VI. Музей должен быть внутренне увязан с задачами социалистического строительства всей страны» [12, с. 5].

Таким образом основными объектами музейных учреждений Крымской АССР во второй половине 20-х–30-е гг. XX в. были наиболее значительные памятники прошлого, сосредоточенные в регионе – городища Херсонеса, Пантикапея, Керкинитиды, памятники эпох каменного века, эпох меди, бронзы, раннего железного века, периода «Великого переселения народов» и Средневековья.

Источники и литература:

1. Закс А. Б. Областные музейные конференции в РСФСР 1926-1927 годов: по материалам ОПИ ГИМ / А. Б. Закс // Археографический ежегодник за 1980 год / Археографическая комиссия АН СССР. – М.: Наука, 1981. – С. 197-211.
2. Сорочан С. Б. Жизнь и гибель Херсонеса / С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко. – Х.: Майдан, 2001. – 828 с.
3. ГАРФ. – Ф. А-2307. – Оп. 3. – Д. 130. – Л. 253.
4. Зубарь В. М. Летопись археологических исследований Херсонеса–Херсона и его округа (1914–2005) / В. М. Зубарь // МАИЭТ / Ин-т востоковедения им. А. Е. Крымского; Крымское отд. – Симферополь, 2009. – Supplementum, вып 6. – 496 с.
5. Романчук А. И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы : в. 2-х ч. / А. И. Романчук; Уральский гос. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – Ч. 2 : Византийский город. – 664 с.

6. Романчук А. И. Из истории Херсонесского музея : дело Л. А. Моисеева / А. И. Романчук // LAUREA : К 80-летию проф. Владимира Ивановича Кадеева. – Харьков, 2007. – С. 239-251.
7. Герасимова Г. Гриневич Костянтин Едуардович / Г. Герасимова // Українські історики ХХ століття : бібліогр. дов. / Ін-т історії України НАН України – К., 2004. – Вип. 2, ч. 2. – С. 123-125.
8. Латышева В. А. К. Э. Гриневич как археолог / В. А. Латышева // Древности 2004. – Харьков, 2004. – С. 284-294.
9. Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея : исторический очерк / Ю. Ю. Марти. – Керчь, 1926. – 96 с.
10. Гриневич К. Э. Вместо монастыря – Музей : письмо из Херсонеса / К. Э. Гриневич // Крым. – 1925. – № 1. – С. 80-81.
11. Кадеев В. И. К. Э. Гриневич как ученый / В. И. Кадеев // Вестник Харьковского университета. Сер.: История. – 1992. – № 362. – Вып. 25. – С. 129-134.
12. Гриневич К. Э. За новый музей : Херсонесский музей, как первый опыт приложения марксистских идей в музейном строительстве / К. Э. Гриневич; Гос. Херсонесский музей. – Севастополь, 1928. – 16 с.

Васильев В.Е.

УДК 299.4:291.612

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ВЕРОВАНИЯ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ШАМАНИЗМА САХА)

В условиях глобальных процессов в истории религии островки былых языческих верований более устойчиво и явственно сохранились в глухих перифериях России, где влияние мировых религий на «иногородцев» в силу ряда причин было слабой. Реликтовые следы верований древних тюрков в шаманизме народа саха можно выявить по обрядам, мифам и преданиям. Известно, что массовое крещение «иногородческого» населения Якутии завершилось в начале XIX в. Следовательно, народ саха успел побывать под сенью православия в течение столетия. За такой короткий срок истории официальная религия не могла пустить корни, и саха сохраняли религиозные воззрения своих предков.

Согласно отрывкам древнетюркской мифологии, отраженным в стелах Кюль-тегина и Бильге-кагана, сначала были созданы синее небо и бурая земля, и между ними появились люди. Небесные покровители тюрков были представлены божественной четой в лице Тэнгри и Умай. У западных тюрков и уйгуров они именовались как Тангрихан и царица Умай. Третьим высшим божеством являлся покровитель священной земли и воды Йер-Сув. Служителями культа выступали шаманы. Эти черты религии кёк-тюрков отчетливо сохранялись в триаде якутских божеств в составе верховного божества неба Юрюнг Айыы Тангара, его солнечной супруги Кюн Кюбэй хотун и богини изначальной восьмиугольной земли Аан Алахчын хатын. В обрядовой практике саха посредниками между людьми «солнечного улуса с поводьями за спиной» и духами-божествами являлись шаманы.

При прямом сопоставлении мифологических персонажей заметно то, что у тюрков и саха божества земли Йер-Сув и Аан Алахчын не представлялись супругами верховного бога неба. Факт этот интересен в том плане, что пары Тэнгри – Умай и Юрюнг Айыы – Кюн Кюбэй изначально могли сочетать в себе близнечный мотив Солнца и Луны как основных небесных светил. Вспомним древних сюнну, властители *шаньюи* которых утром и вечером поклонялись солнцу и луне. Образ матери-солнца Кюн Кюбэй хотун перекликается с культом Умай. Имя *умай* совпадает с якутскими глаголами *умай*- «гореть», *ымай*- «улыбаться», что указывает на земное начало культа Умай, которая была связана с почитанием огня и гениями-хранительницами деторождения. По мифологии саха, дух-хозяйка земли Аан Алахчын хатын являлась почтенной старухой, не имевшей, как и все богини Айыысыт, мужа [14, с. 50–51]. Исходя из этого, мы предполагаем, что и безымянное божество Йер-Сув (досл.: «Земля-Вода») также могло принадлежать к разряду женских покровительниц с функцией творения.

Древнетюркские корни религии саха исследовал тюрколог Н.К. Антонов. На основе широких сопоставительных материалов он выявил элементы, относящиеся к общему пласту верований. Так, автор приводил следующие религиозно-мифологические термины: як. *тангара* «небо, бог, добрый дух, икона, образ» – общетюрк. *тэнгри*, др.-уйг. *тангри*, сувар. *тангрихан*, булг. *тангра*, тур. *тангры* [3, с. 124–126]; як. *айыы* «творить, создавать», «творец» – др.-тюрк. *ай*- «указывать, руководить» и *айаг* «благоговение, почитание, почетное звание, титул»; алт., леб. *йайа*- «творить», *йайаан*, *йайачы*, *йайаган* «творец, создатель, бог», тув, хак., шор. *чаяа*- «творить, создавать», *чайаан*, *чайачы*, *чаяакчы* «творец», каз. *яса*-, тат. *ярат*- чув. *сурат*- «творить, создавать». Близко к як. *айыы* стоят др.-кырг. *ажо*, *аже* «титул правителя», каз.-кырг. *жасау*-, *жасоо*-, башк. *йаһау*-, уйг., тат. *ижат*- «создавать», а также производные *жасаушы*, *ижатчи* «творец» и др. [3, с. 127–129].

При этом тюрколог отмечал, что як. *тангара* более близок к огузским и болгарским терминам *тангри*, *тангры*, *тангра*. Древних саха считают солнцепоклонниками. На этой основе Н.К. Антонов *тангара* разделил на основы *танг* и *эри* («муж зари»). Образ Неба мог существовать со времен бронзового века. Якутская богиня *Айыысыт* имеет алтайские параллели: *йайачы*, *чаяачы* и др. Этимологию имени Умай автор не выявил. Но при этом он заметил, что одна из якутских богинь Иэйиэхсит появилась позже, т.к. она не имела особых обрядов, посвященных ее имени [3, с. 130].

Далее Н.К. Антонов проводил сопоставления: як. *иччи* «дух-хозяин» – др.-тюрк. *иди*, *ийэ* и общетюрк. *ечи*, *йэчи*, *йэйэ* «хозяин, господин, бог», чув. *ыра* «дух»; як. *кэрэх* «чучело жертвенного скота, повешенное